

Возможно и заимствование некоторых элементов интеграционного пути для «улучшения» национально-разделительного пути, хотя из-за их противоречивой сущности это может дать лишь временный успех. Сторонники национально-разделительной концепции развития советского общества нередко аргументируют ее тем, что человек, который не любит свой народ, не может любить и другие народы. В чем-то это верно, хотя националисты сильнее других любят свой народ, а от них трудно ждать «любви» к другим народам. Для меня же интернационалист — это не столько тот, кто любит другие народы «наравне» со своим, сколько тот, кто любит других людей вне зависимости от их национальной принадлежности.

Кроме общего национального вопроса в СССР имеются более или менее частные национальные вопросы широкого типа (русский и еврейский) и локального (армяно-азербайджанский, узбекско-таджикский и др.), заслуживающие специального анализа. Однако решение их будет во многом определяться выбором того или иного пути решения общего национального вопроса для будущего развития страны.

Примечания.

- ¹ Четко С. В. Национальный вопрос в СССР: состояние и перспективы // Сов. этнография. 1988. № 4.
- ² См. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983.
- ³ См. Старушенко Г. Б. Принцип самоопределения народов и наций во внешней политике советского государства. М., 1960. С. 71 сл.
- ⁴ Материалы Пленума ЦК КПСС 27—28 января 1987 г. М., 1987. С. 40.
- ⁵ Это показано главным образом в статье «О разложении феодализма и возникновении национальных государств» (см. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21).
- ⁶ См. Французская буржуазная революция 1789—1794 гг. М., 1941. С. 537—538.
- ⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 258—259.
- ⁸ Там же. Т. 24. С. 124.
- ⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 268.
- ¹⁰ Там же. Т. 34. С. 379.
- ¹¹ Там же. Т. 24. С. 175.
- ¹² Там же. Т. 24. С. 134.
- ¹³ Там же. Т. 24. С. 126.
- ¹⁴ Там же. Т. 30. С. 36.
- ¹⁵ Там же. Т. 27. С. 256.
- ¹⁶ Там же. Т. 26. С. 281.
- ¹⁷ Там же. Т. 24. С. 133.
- ¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 361—362.
- ¹⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2. С. 52.
- ²⁰ См. Социально-культурный облик советских наций (по материалам этносоциологического обследования). М., 1986. С. 359 сл.
- ²¹ Куличенко М. И. Расцвет и сближение наций в СССР. Проблемы теории и методологии. М., 1981. С. 41.
- ²² Подробнее см. Козлов В. И. "Национальности СССР. Этнодемографический обзор. М., 1982.
- ²³ Хинт Мати. Двуязычие и интернационализм // Дружба народов. 1988. № 5.

В. А. Тишков

О КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕСТРОЙКИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР

Сложившаяся в стране острая и во многом кризисная ситуация в сфере межнациональных отношений, грозящая самому существованию Советского многонационального государства, а не только ходу перестройки, требует осуществления глубоких реформ. Эти реформы должны быть основаны на действительно новых подходах, которые учитывали бы как специфический опыт со-

ветской действительности, так и некоторые закономерности глобального характера, свойственные современному миру, общие тенденции, действующие в общественной жизни многонациональных государств в конце XX века. Эти реформы должны преследовать не только задачи устранения деформаций и накопившихся кризисных проблем, но и главные наши цели — строительство справедливого, демократического гражданского сообщества. Для этого необходимо изменить политику в сфере межнациональных отношений, которая в настоящем ее виде, включая концептуально-теоретический багаж и государственно-правовую практику, устарела, во многом просто неверна и превратилась в тормоз дальнейшего развития советского общества.

1. К оценке этнической ситуации и общих подходов. В нашей стране действительно произошел стремительный рост национального самосознания народов, проявившийся не только в форме историко-культурного движения, но и в общественно-политической деятельности, что в значительной мере было стимулировано политикой перестройки. Но феномен так называемого «этнического возрождения», наметившийся в 50—60-е годы, имеет место во всем мире. В последние годы с возрастанием влияния этнического фактора в общественной жизни и возникающими на этой основе проблемами (включая этнические конфликты, сепаратистские движения) столкнулись в различной степени многие страны мира, независимо от их географического положения и характера социального устройства.

Из 120 войн и военных конфликтов, имеющих место в современном мире, 86 (72%) носят этнический, этнорасовый или этнорелигиозный характер. Бурлящие по всему земному шару очаги этнических конфликтов некоторые зарубежные авторы называют «невидимой третьей мировой войной»¹. Подавляющее большинство этих конфликтов приходится на страны Азии, Африки и Латинской Америки, где этнические противоречия проецируют на себя бремя острейших социальных и политических проблем. В развитых буржуазно-демократических государствах этот процесс идет почти исключительно в мирных формах политической борьбы и общественных движений, но и здесь во многих случаях он выдвигается на передний план общественной жизни в разных своих аспектах: этнорасовом (США), религиозном (Великобритания), языковом (Канада). Непростая ситуация в сфере межнациональных отношений складывается и в некоторых социалистических странах с полиэтническим составом населения.

Каковы причины глобального явления этнического возрождения? В ряде, а может быть, и в большинстве случаев, это — стремление устранить исторические, социально-политические несправедливости (накопившиеся за долгие годы существования колониальных империй и неоколониалистской политики в отношении многих народов), а также дискриминацию иммигрантских, расовых и этнорелигиозных групп в многонациональных государствах. Другая причина заключается в реакции этнокультурных общностей на некоторые объективные процессы, связанные с научно-техническим прогрессом, урбанизацией, распространением нивелирующих тенденций массовой культуры, интернационализацией сфер материальной культуры и быта. Этническая специфика, культурное своеобразие, перейдя из сферы материальной (жилище, одежда, хозяйственная деятельность) в сферу духовную, стали все чаще служить своего рода «охранительной реакцией» на отчуждение и дегуманизирующее воздействие некоторых сторон современной цивилизации. Не следует сбрасывать со счетов и усиливающуюся в мире напряженность на почве конкурирующей деятельности человеческих сообществ по использованию ресурсов жизнеобеспечения в условиях обостряющихся экологических проблем.

В СССР при анализе кризисных или просто острых ситуаций в сфере межнациональных отношений можно обнаружить проявления почти всех названных причин. Есть и накопившиеся неразрешенные проблемы исторического и социально-политического характера. Есть и реакция на разрушительное воз-

действие технологической цивилизации и современного образа жизни, особенно ошутимое в сфере культурных традиций, исторической памяти, размывание культурной мозаики по пугающим законам энтропии. Негативно отражается на межнациональных отношениях и не всегда продуманная хозяйственная деятельность, особенно в районах, где проживают народы, сохраняющие традиционный способ хозяйства (охота, рыболовство, промысел и т. п.), а также ограниченность природных ресурсов и территории в районах проживания тесно контактирующих народов при недостаточном объеме производимых материальных благ.

Необходимость глубоких реформ и преобразований в этой области выявилась как одно из наиболее важных и неотложных дел для советского государства и правящей партии в ходе перестройки. Целью этих реформ должно быть не «решение национального вопроса» или «проблем», а создание как можно более благоприятных условий для проявления и обеспечения специфических интересов советских граждан, обусловленных их принадлежностью к той или иной историко-культурной общности. Необходимо исходить из того, что сфера межнациональных отношений, ее внутренняя динамика и проблемы в многонациональном государстве являются такой же объективной реальностью, как и сфера экономических и социально-политических отношений. Социальные и культурные общности, осознание ими своей самобытности не есть что-то изначально заданное, а конструируемое (на длительном или кратком отрезке времени) в процессе исторических перемен и потрясений. Со стороны государства и политических сил в союзе с наукой требуется постоянный анализ этой меняющейся ситуации, включая выявление факторов, которые вызывают «всплеск» этничности или, наоборот, «охлаждают» этнические чувства. Даже такие феномены и понятия, как «культура» и «традиции», должны восприниматься как живые, рождающиеся и угасающие явления, конструируемые людьми в процессе взаимодействия прошлого опыта и настоящей действительности.

Отсюда вторая важнейшая исходная посылка: к этнической ситуации в стране необходимо подходить не как к чему-то извечно заданному, а как к подверженным изменениям процессам проявления этнического. Эти процессы на данном историческом отрезке времени в мире в целом, а в СССР в условиях перестройки тем более, переживают этап наибольшей «интенсивности» и требуют по отношению к себе гибкого, многовариантного и чувствительного взаимодействия без их обязательной фиксации в конституционных структурах.

Сомнительным, на наш взгляд, представляется тезис, что сфера межнациональных отношений — особо деликатная, и неосторожные высказывания и оговорки могут привести к непредсказуемым реакциям и даже открытым конфликтам (имеется в виду обычно в республиках). Но это, как показывают последние события, далеко не так. Никакие, даже самые острые высказывания ученых, не вызвали такой бурной и действительно взрывной реакции, как полугласность в прессе, недостаток информации, сеявшие ложные слухи и взаимные подозрения. Ссылка на деликатность долгое время служила одним из обоснований обета молчания и бездумного приукрашивания действительности, оправданием для тех ученых, кто не хотел или боялся писать об острых проблемах. Поэтому полная гласность, особенно когда речь идет о позиции ученых, — одно из неперемennых условий обновления в наших исходных позициях. Причем гласность, обязательный компонент которой — честность и открытость в изложении своих концепций, их целей и возможных результатов. Наивно думать, что в сложном поиске и часто в трудном противостоянии какая-то из сторон может «переиграть» друг друга, что какой-то предложенный план или реформа могут содержать скрытый смысл и необъявленные возможные результаты.

И, наконец, очень важным для формулирования научных позиций является

отказ от унитарного мышления, от наивной веры, что возможна выработка какой-то единой концепции, которая, будучи принятой в научной среде, должна быть проведена через весь процесс принятия политических решений. Дискуссии в Институте этнографии АН СССР, особенно в связи с событиями в Закавказье, с подготовкой XIX партийной конференции и предстоящего Пленума ЦК КПСС показали широкую поляризацию взглядов ученых, а порою даже слишком поспешную их эволюцию, граничащую с давно скомпрометировавшей себя конъюнктурностью. Было бы более верным и действительно научным подходом признание возможности и даже необходимости существования различных альтернативных позиций и вариантов, которые учитывались бы на всех стадиях подготовки и решения вопросов, вплоть до самого высокого государственного уровня, когда наряду с соображениями специалистов по национальным отношениям должны учитываться и другие факторы. Желательно чтобы при этом сохранялась индивидуальная ответственность ученых, а не безответственная анонимность в виде коллективных, спешно составленных по просьбе «сверху» материалов, последующая судьба которых, как правило, оказывается не известной, зависящей от мнения и амбиций аппаратных работников. Ученые должны иметь возможность непосредственно доложить и обосновать свои позиции в ходе обсуждения вопросов на самом высоком уровне, включая прежде всего законодательные органы. Это является принятой практикой парламентской демократии. Именно так я понимаю решение Политбюро ЦК КПСС от 13 октября 1988 г., предусматривающее привлечение ученых к подготовке Пленума ЦК КПСС по совершенствованию межнациональных отношений в СССР.

2. Об основных понятиях и категориях. Некоторые понятия, хотя и вошли в наши основные программные и конституционные документы, при строго научном подходе оказываются далеко не точно отражающими исторические и сегодняшние реалии. Расхожая фраза «в СССР живет более 100 наций и народностей» содержит в себе сомнительный постулат выделения типов этнических общностей (народов) по трехчленной формуле «племя — народность — нация». Даже в своем наиболее приемлемом стадийном (или вертикальном) варианте (племя—доклассовый уровень общественного развития, народность — добуржуазный, нация — буржуазная и социалистическая стадии развития) эта формула до сих пор содержит много неясностей, требующих дополнительного научного осмысления. Тем более трудно согласиться с «горизонтальным» делением современных народов нашей страны на нации и народности, осуществляемым на основе практически единственного критерия — наличия или отсутствия государственности на уровне союзной или автономной республики. Ибо даже по признаку численности, не говоря уже о внутренних структурах, социально-экономических и культурных характеристиках, принципиальную грань между нацией и народностью провести сегодня невозможно. Нейтральный и обобщенный термин «народы» или «национальности» СССР, который, кстати, также присутствует в наших программных документах, в том числе в тексте Конституции и в резолюции XIX партконференции, представляется в настоящее время более уместным и более точным. Такое определение снимает ненужные противоречия и недоумения на уровне массового сознания и общественной практики, когда часть равноправных граждан страны должна относить себя к этнической общности более низкой категории, чем большинство населения. Меньше будет и путаницы в определении основных этнических единиц, составляющих население страны, как это сейчас имеет место.

Но как быть со столь, казалось бы, основополагающим термином, как «нация»? Представляется, что многолетние дискуссии о его содержании не случайно оказались малопродуктивными. До сих пор наша обществоведческая мысль пытается найти новую дефиницию взамен неудовлетворительной сталинской формулировки, которая, в свою очередь, основывалась на концепции, родившейся в Европе еще в конце XVIII в. и служившей почти два столетия

мощной интегрирующей идеей в процессе становления государственности многих народов мира в эпоху развития капитализма. Но, кстати, в той же Западной Европе, достигшей к концу XX в. качественно нового уровня интеграции всех сторон общественной жизни народов и государств, эта идея нации как чего-то отличного от государства ныне проявляет явные признаки ослабления. Ее наиболее активные сторонники продолжают существовать в тех районах мира, где еще не завершился процесс национального освобождения и утверждения государственного суверенитета, или же в тех развитых странах, где с требованиями признать их самостоятельными нациями выступают некоторые этнические группы с приниженным социальным статусом. Например, индейские народы в США и Канаде, называющие себя «первыми нациями» (имеется в виду фактор первозаселения континента).

Может быть, выход из теоретического тупика в отказе от термина «нация» в его этническом значении и сохранении того его значения, которое принято в мировой научной литературе и международной политической практике, т. е. нация — это совокупность граждан одного государства. ООН объединяет не «этнонации» (такой термин сейчас пытаются ввести некоторые специалисты), а нации-государства. Правда, встает вопрос о новом определении типов этнических общностей, но, как мы знаем, дискуссия в этом направлении уже начата в нашей литературе². В этом случае из нашего терминологического арсенала исчезнет хотя бы одно из трех равнозначно употребляемых определений: нации и народности, национальности, народы СССР, как это сейчас имеет место. Достаточно двух последних понятий, чтобы отразить реальную действительность СССР как многонационального (много национальностей) государства, не создавая при этом теоретическую неясность и ненужную усложненность категорий в общественно-политическом лексиконе. Вопрос этот, конечно, огромной теоретической важности. Он затрагивает саму суть марксистско-ленинского учения о национальном вопросе, которое, на мой взгляд, ныне нуждается в творческом обновлении.

Как известно, у основоположников марксизма-ленинизма этнические категории не были разработаны с достаточной дифференцированностью. К. Маркс иногда применял термин «нация» по отношению к народам, не обладающим своей государственностью или входящим в состав многонациональных государств, но чаще это означало государственное образование. Что касается В. И. Ленина, то суммарный вывод из анализа его работ также вполне однозначен. Для В. И. Ленина понятия «нация», «народность», «национальность», «народ» были синонимичны, и он не делал особых теоретических разработок этих понятий. В важнейшем документе «Декларация прав народов России» использованы только термины «народ» и «этнографическая группа».

Понятийным анахронизмом представляется нам и деление проживающих в республиках граждан на «коренные нации» и «некоренное население». Долгое время эти термины широко использовались в нашей стране. На основе этих понятий в значительной мере строилась политика в области национальных отношений и даже некоторые юридическо-правовые нормы на протяжении того периода в истории нашего общества, когда решалась задача преодоления отсталости и выравнивания уровней социально-экономического и культурного развития. При внешней нейтральности этих понятий, они все же неизбежно содержали оценочные моменты, характеризующие различия в уровнях развития. Иначе невозможно объяснить, почему эти же понятия и связанные с ними привилегии (например, в области получения высшего образования) не распространялись на русских в РСФСР или на старожильческое русское население в Казахстане.

Опыт государственной политики, прежде всего зарубежных развитых стран, свидетельствует, что термины «коренное» или «аборигенное» население, или народы, употребляются преимущественно в отношении отставших в своем развитии народов, сохраняющих традиционную хозяйственно-культурную специ-

фику. В зарубежном обществоведении понятия «коренные» или «аборигенные» народы употребляются в том же самом смысле по отношению к полукочевым, изолированным и другим сохраняющим традиционную культуру народам и группам автохтонного населения Азии, Африки, Австралии и Океании, находящимся в приниженном социальном положении. Эти народы все чаще объединяет понятие «четвертый мир», имея в виду его особый социально-культурный статус и стоящие перед ним специфические проблемы. Именно там сегодня все чаще и настойчивее звучит понятие «нация» как та самая символическая категория прежде всего политического содержания, которая позволяет достичь необходимого уровня суверенитета и государственности. Как заявили вожди племен общинной организации «Ассамблея первых наций в Канаде», «...мы являемся нациями. Мы всегда были нациями, и в качестве таковых мы имеем исторические права, которых никогда не уступали. Мы имеем право определять наше гражданство. Мы имеем право на самоопределение. Мы через наше собственное правительство будем иметь полный контроль над нашей землей, включая также воздушное пространство, воды, минералы, леса и животный мир»³.

В отношении основных групп населения, формирующих современный облик народов прежде всего развитых стран мира, термин «коренные» или «аборигенные» не применяется, хотя, скажем, ни у кого нет сомнений в том, что греки, итальянцы, норвежцы в своих странах принадлежат к категории «коренных» народов.

В СССР в последние десятилетия с уменьшением разрыва в уровнях социально-культурного развития народов, урбанизации, миграций, интернационализации культуры и быта и, в то же время, роста национального самосознания больших и малых народов вполне естественно возникает вопрос о нелогичности и устарелости вышеупомянутых категорий.

Как показывает зарубежный и наш собственный опыт, сама по себе национальная государственность и статус «коренных» народов не являются достаточными для достижения вышеназванных целей развития. В условиях унаследованного от Российской империи неравенства, отсталости и сравнительно низкого уровня накопленных материальных благ и общегосударственного национального продукта политика «коренизации» в первые десятилетия после революции приносила положительные результаты. В условиях достигнутого примерного равенства, выросшего материального благосостояния людей деление равноправных по закону граждан одной страны на категории «коренных» и «некоренных» не только утратило свое практическое значение, но и вносит неизбежно новые формы неравенства и ущемления демократии. Существованием данных различий наносится ущерб не только жителям республик «некоренной» национальности, но и не в меньшей степени самому «коренному» населению, ибо оно лишается притока в республику или область наиболее квалифицированных хозяйственных, научных и прочих кадров, которых сдерживает фактор потенциального отнесения их к «некоренному» населению и связанные с этим возможные ограничения в жизненном продвижении.

Задача демократизации общественных институтов и совершенствования национальных отношений определяет тенденцию не дальнейшего насыщения, а тем более усложнения используемых в общественно-политической практике понятий и терминов в сфере межнациональных отношений, а, наоборот, их упрощения с подчеркиванием общегражданских, общесоюзных и общереспубликанских моментов.

И в этой связи вызывает сожаление поспешный отказ некоторых ученых и публицистов от понятия «советский народ как новая историческая общность людей». Хотя и сформулированное далеко не в самую плодотворную пору теоретических изысканий, оно все же, на мой взгляд, отражает реальный феномен складывания на основе союзной государственности однотипных социальных и культурных условий, своего рода метаэтничности, нового уровня осоз-

нения своей принадлежности к более широкой социально-культурной общности людей. Мы уже не просто сограждане, представители различных народов, но и обладатели целого комплекса общих черт, включая отдельные культурные характеристики, чувство общности исторической судьбы, некоторые черты социально-политического поведения, жизненные понятия и ценности.

Поэтому вполне можно говорить о наличии двух уровней самосознания у советских людей: о возможности одновременно ощущать себя и представителем собственного этноса, и представителем более широкой общности — советского народа.

Вновь рождающаяся этничность на основе определенной государственности не является чем-то исключительным и хорошо известна в мире. Если на ранних этапах истории преобладал процесс оформления в государство определенной этнической общности, то в современную эпоху гораздо чаще государство выступает фактором складывания новых историко-культурных общностей. Так, сравнительно недавно сформировались латиноамериканские народы и многие, скажем, мексиканцы или перуанцы могут обладать двойным этническим самосознанием, считая себя принадлежащими к народу индейцев-ацтеков или индейцев-кечуа, так же как и к нации мексиканцев или перуанцев. Рождается новое этническое самосознание у населения вновь образовавшихся на разнородной племенной основе африканских государств; формируются новые народы в пределах молодых стран Карибского бассейна. Процессы эти длительные, занимают не годы и даже не десятилетия, но и Советский Союз уже существует 70 лет, и нет оснований считать его каким-то исключительным случаем в истории.

3. О правах народов. В 60—80-е годы произошел знаменательный прорыв в мировом общественном сознании в отстаивании и утверждении прав и специфических интересов народов, расовых, религиозных и национальных групп. В настоящий момент мировым сообществом признается, что существующие национальные законодательства и международно-правовая практика не обеспечивают интересов, которые имеют люди на основе своей принадлежности к той или иной общности историко-культурного, этнорасового, языкового или религиозного характера. Вопрос о правах народов нашел свое отражение не только в национальных законодательствах многих стран, но и на уровне важнейших международных договоров и деклараций, документов ООН и других международных организаций, в деятельности многочисленных и влиятельных неправительственных организаций и групп. Вокруг этих вопросов развернулась острая идеологическая и политическая борьба во многих странах.

В последние два десятилетия обогатилась и реальная общественная практика: возникли десятки новых внутригосударственных автономий, разного рода самоуправляющихся анклавов, имели место многочисленные территориально-административные изменения на этой почве. В 70-х годах добились самоуправления жители Гренландии. В Испании за последние 10—12 лет оформилось 17 автономий и страна превратилась фактически в сообщество регионально-коммуналистских образований, имеющих историко-культурную специфику. В США и Канаде многие индейские общины получили самоуправление, включая права на контроль за ресурсами, налогообложением, отправлением правосудия и т. д. В сентябре 1988 г. многолетняя борьба коренного населения канадского Севера завершилась подписанием соглашения о создании в составе федерации самостоятельного территориального образования в районе западной Арктики. В Центральной Америке автономию получили индейцы-мискито после периода трудных взаимоотношений с сандинистским правительством Никарагуа. В Эфиопии добились автономии жители Эритреи, в Шри Ланке — тамилы.

Право народов на самоопределение стало одним из наиболее притягательных лозунгов и идеалов в борьбе людей за улучшение условий своего существования. В этой связи нельзя не вспомнить, что впервые право на самоопре-

деление на уровне государственной политики было провозглашено и осуществлено в ходе Великой Октябрьской Социалистической революции. Принятая в ноябре 1917 г. «Декларация прав народов России» в этом плане является документом всемирного значения, а создание сильного многонационального советского государства — действительное завоевание социализма. В последующем как сама концепция, так и практика обеспечения прав народов, проживающих в СССР, пережили трудную судьбу и в какой-то момент стали отставать от меняющейся действительности, не отвечать в полной мере новой исторической ситуации. Представляется, что в настоящий момент развитие и углубление концепции прав народов и ее последовательное осуществление в духе провозглашенных Великим Октябрем принципов являются одним из важнейших моментов в области национальной политики.

Попробуем определить некоторые из этих прав, как они ныне все более отчетливо оформляются в мировом общественном сознании.

Во многих международных документах одним из первейших формулируется право народов на существование. Нет оснований говорить о намеренных угрозах физическому существованию проживающих в СССР народов или насильственных действиях по отношению к ним со стороны государства. Хотя не нужно забывать о тяжелых последствиях в виде, прежде всего, массовых жертв, которые пережили некоторые «наказанные» народы.

Вышеназванное право включает и признание самого факта существования той или иной национальной общности со стороны государства. Важнейшим инструментом такой фиксации являются общегосударственные переписи населения, в ходе которых определяется этническое происхождение граждан по их самосознанию. Действующая в СССР практика официального «встречного» списка народов накладывает определенные ограничения на их волеизъявление: некоторые небольшие народы или этнические группы, сохраняющие до сих пор свое историко-культурное и языковое своеобразие, в ходе ряда последних переписей были вынуждены относить себя или к доминирующему этническому окружению, или к некоему более широкому новообразованию. Имели место и обратные ситуации.

Само по себе существование научно разработанного списка народов для проведения переписей необходимо. Это помогает гражданам и переписчику принять более квалифицированное решение, устраняющее некоторые aberrации, связанные с локально-этнографическими или этнорелигиозными отличиями. Но в то же время представляется целесообразным при подведении итогов переписи 1989 г. избежать излишней «жесткости» списка, вызванной в свое время стремлением ускорить процесс интеграции небольших народов в более крупные этнические общности.

Широко признанным является и право на самоидентификацию, т. е. определение самими гражданами своей национальной принадлежности. Действующая в СССР практика фиксации национальности в паспортах по национальности одного из родителей накладывает определенные ограничения на выражение своего собственного этнического самосознания, а также лишает возможности граждан, утративших свою четкую этническую принадлежность или имеющих сложное (двойное или тройное) самосознание, отнести себя к более широкой категории «советский» или указать сложное происхождение. Во многих многонациональных странах сейчас при определении этнической принадлежности (вернее, происхождения) допускается множественный ответ или же самоидентификация на уровне общегосударственной общности. Жители СФРЮ могут относить себя не только к одному из проживающих там народов, но и просто к «югославам», и таких в ходе последней переписи оказалось 1,5 млн. чел. В США по переписи 1980 г. 12 млн. граждан не смогли определить свое этническое происхождение по народу-предку и назвали таковым «американское», а более 80 млн. указали смешанное происхождение.

Вполне возможно, что и в СССР, если в ходе предстоящей переписи предоставить возможность в перечне национальностей выбрать категорию «советский», некоторое число граждан отнесет себя к последней. Это будут, прежде всего, потомки от смешанных браков, особенно дети, выросшие в семьях со сложной этнической родословной. Мы знаем достаточно примеров, когда человеку трудно определить, кто он по национальности, как этого требуют наши жесткие правила паспортной фиксации или инструкции переписчиков.

По крайней мере, если феномен двухуровневого этнического самосознания еще можно отнести к разряду дискуссионных, как некую перспективную тенденцию, то факт сложного этнического происхождения и самосознания, оспаривать невозможно. А это означает, что необходимо и официальное признание права человека считать себя принадлежащим не обязательно к одному народу. Почему нельзя быть одновременно литовцем и белорусом, если вы одинаково впитали в себя культуру и язык матери-литовки и отца-белоруса? А если ребенок из литовско-белорусской семьи вырос в районе новостроек БАМа, в русском окружении и достигнув совершеннолетия, считает себя русским, почему он, согласно нашим правилам, получая паспорт, должен записать себя только литовцем, или белорусом? Это, прямо скажем, практика определения национальности по крови. Хотя национальное самосознание — понятие социально-культурное, с ним не рождаются, его обретают в ходе воспитания и социализации личности. Это — аксиома современного научного знания. И пора привести в соответствие с ней некоторые наши правовые регламентации в сфере национальных отношений.

Что касается малых народов Севера и некоторых других групп, пользующихся определенными привилегиями и специфическими правами, то существующая паспортная фиксация может быть заменена практикой официальных списков коренных жителей на уровне местных властей. И здесь сугубо индивидуальное право самоидентификации должно дополняться коллективным правом местных общин и органов власти определять принадлежность граждан к той или иной группе, чтобы избежать возможных попыток намеренно отнести себя к национальности, члены которой пользуются в данных условиях определенными привилегиями и специфическими правами. В мире сейчас все шире распространяется практика предоставления аборигенным общинам, племенным советам права самим определять состав своей группы. Многие из этой практики могут быть заимствованы, кроме, пожалуй, принципа устанавливать в качестве критерия этнической принадлежности ту или иную долю «аборигенной крови», которым пользуются некоторые аборигенные группы США и Канады.

Право на суверенитет, самоопределение и самоуправление обеспечено в СССР в его «одноразовом» варианте, который закреплен административно-государственным делением страны по национальному признаку и конституционным представительством в общесоюзных органах власти. Однако, если принцип разового осуществления народом или группой народов права на самоопределение в форме создания суверенного государства является, видимо, верным, то на внутригосударственном уровне этот принцип нуждается в модификации. В многонациональном государстве в силу демографических, миграционных, хозяйственно-культурных процессов, а также в результате действия общественно-политических сил и факторов, могут возникать ситуации, диктующие необходимость создания или упразднения тех или иных национально-государственных образований или изменения их статуса и границ. Эти структуры не должны создаваться на века; в противном случае они могут превратиться в стагнирующие факторы общественного развития. И здесь следует напомнить, что структура национально-государственных образований существует в СССР уже более полувека и никакими конституционно-правовыми нормами не предусмотрена процедура ее изменения. Видимо, необходимы серьезные коррективы в юридическом понимании права самоопределения народов на внутригосударственном уровне. Причем в данном чрезвычайно важном

вопросе демократизация в сфере национальной политики требует предусмотреть не столько систему декретирования и решений «сверху», сколько обращение к различным формам волеизъявления групп населения. При решении вопросов о государственных автономиях, затрагивающих территориальный аспект, волеизъявление должно касаться представителей всех народов, проживающих на территории, в пределах которой предполагаются упразднение, изменение или образование национальных автономий. Подобные референдумы в последние годы имели место при решении вопросов о самоопределении жителей Гренландии, населения провинции Квебек и Северо-Западных территорий в Канаде и в некоторых других странах.

Хотя народы стремились и стремятся для обеспечения своих интересов обрести ту или иную форму государственности, принцип создания государств «по национальности» (один народ — одно государство) не реализовался в истории: подавляющее большинство человечества живет сегодня в многонациональных государствах. Это означает, что понятие суверенитета, как правило, включает в себе неполный, «разделенный» суверенитет, а самоопределение и самоуправление не обязательно предполагают проведение государственных границ по границам этнических территорий, что, конечно, не отрицает существования последних, как, кстати, и возможности для той или иной территории принадлежать не только одному народу, а двум или даже нескольким одновременно.

Становится все более очевидным, что в условиях действия современных мировых хозяйственных связей и сохраняющейся социально-политической неоднородности мира сама по себе возведенная в абсолют национальная государственность не гарантирует народу главного — процветающего и мирного существования. Гораздо в большей степени интересам народов, включая сохранение их культурной самобытности, отвечают различные формы автономии и самоуправления в составе более крупных образований, в которых обеспечены необходимые социальная гармония и демократические гарантии волеизъявления на индивидуальном и коллективном уровнях. В этом плане разработка и углубление понятия автономии в ее сущностном, содержательном, а не только формально-конституционном, аспекте является одной из задач строительства правового государства в нашей стране.

Что касается прав на сохранение культурной самобытности, включая сферы языка и образования, культурного наследия и народных традиций, то здесь отрицать наши огромные завоевания было бы просто несправедливо. И они широко признаны во всем мире. Хотя многое сегодня нас не может устроить и в этой сфере, о чем свидетельствуют бурные дискуссии, особенно в среде творческой интеллигенции. Возрождается интерес к различным формам национально-культурной автономии, которая на начальных этапах нашей революции была сурово осуждена как недостаточная для осуществления радикальных социальных преобразований, а в новых исторических условиях может сыграть огромную позитивную роль. И в этом направлении уже предпринимаются конкретные шаги. Особенно они необходимы в сфере языка и образования.

В ряде случаев для малых народов Севера и некоторых других регионов, не менее важным условием сохранения культурной самобытности является традиционная хозяйственная деятельность. Традиционные виды хозяйства ныне во всем мире переживают кризис под влиянием процессов индустриализации и урбанизации, интенсивного промышленного освоения новых территорий, осуществления крупных хозяйственных проектов. Советский Союз не исключение. Вопрос заключается в том, как гармонично соединить закономерный процесс модернизации хозяйственной жизни в масштабах страны с традиционными занятиями, которые не исчерпали своих возможностей и играют важную роль в сохранении не только культурных ценностей, но и физического

здоровья и морально-психологического состояния представителей малых народов.

Правильное решение этого вопроса не может быть найдено в узких рамках хозяйственного практицизма. Перспективным является внедрение достижений научно-технической революции, модернизации труда, а вместе с этим и условий жизни в рамках традиционных хозяйственных систем. Речь идет прежде всего об обеспечении населения современными видами транспорта и связи, более эффективными орудиями труда, используемыми при добыче и обработке продукции и т. д.

Жизнеспособной и эффективной формой хозяйственной организации, учитывающей традиционный опыт и культурно-ценностные ориентации народа, проявила себя в последние годы организация мелких кооперативов из числа коренных жителей. В Канаде в 70—80-е годы среди северных народов возникло более 300 кооперативов, занятых изготовлением предметов искусства и ремесла, одежды, рыболовством, обслуживанием туристов и т. д. Оживление советской кооперации создает для развития этих форм благоприятные условия.

В связи с обострением экологических проблем все большее значение приобретает вопрос о праве народов на контроль за использованием природных богатств и ресурсов территорий их проживания. Во многих странах мира, особенно в зонах хозяйственного действия крупного монополистического капитала, эта проблема сегодня выдвигается на передний план общественно-политической жизни. Достаточно назвать такие регионы, как Австралия, Амазония или Аляска и Канадский Север. В ряде случаев аборигенному населению удалось добиться некоторых прав и участия в решении вопросов об осуществлении крупных нефтегазовых или гидроэнергетических проектов. На некоторые проекты в Канаде был наложен мораторий до осуществления более глубоких научных изысканий (прокладка нефтепровода в долине р. Маккензи). В ряде случаев выплачивались денежные компенсации и выделялись особые зоны с преимущественными правами использования их ресурсов коренными жителями (гидроэнергетические комплексы залива Джеймса).

В СССР, даже при наличии общенародной собственности на землю и средства производства и общегосударственном хозяйственном организме данный вопрос также все чаще встает на повестку дня. Более того, есть свидетельства, что одной из причин конфликтных событий в Якутии была неудовлетворенность якутов тем, как идет промышленное строительство и как влияет современная индустрия на природную среду их обитания и традиционные занятия. В Ханты-Мансийском национальном округе в 1987 г. местные власти вступили в конфликт с хозяйственными ведомствами и организациями в связи с осуществлением строительства газопроводов, поскольку считали, что оно нанесет крупный ущерб традиционным оленеводческим районам. Негативные последствия для культуры малых народов Сибири уже проявились при использовании территории их проживания под зону строительства БАМ.

Для того чтобы избежать обострения положения в данной области, прежде всего необходимы более тщательная научная проработка хозяйственных проектов в зонах проживания малых народов, включая изучение их общественного мнения, специфических запросов и нужд, тщательную экспертизу антропогенного воздействия на природу. В социально-правовом плане необходимо предусмотреть не только определенные отчисления от прибыли с используемых ресурсов на нужды коренного населения, его участие в контроле за хозяйственной деятельностью ведомств, а также предотвращение ущерба хозяйству и культуре этих народов.

В ряде стран сейчас практикуется создание обширных национальных парков-заповедников в районах с хрупким экологическим равновесием, экстремальными природными условиями, где на принадлежащих государству землях коренные жители получают исключительное право заниматься хозяйст-

венной деятельностью. Создание таких заповедных зон также представляется необходимым в ряде северных районов СССР.

Перечень прав можно было бы продолжить, особенно тех, которые касаются духовной культуры, включая сферы языка и образования, сохранения и развития культурного наследия, но об этом в последнее время сказано было уже достаточно, особенно представителями творческой интеллигенции. Но один, на мой взгляд, важнейший аспект жизни современных народов, главное условие их существования и развития, до сих пор не привлек должного внимания. Это право народов на доступ к достижениям мировой цивилизации и их использование.

Идея сохранения культурных «резерватов» и «счастливой первобытности» давно себя скомпрометировала в мире, хотя у нее по-прежнему есть сторонники из числа ученых, политиков и представителей делового мира. Прежде всего, сами народы стремятся организовать систему своего жизнеобеспечения на основе наиболее эффективных форм производственной деятельности, обеспечить как можно более высокий уровень материального существования, используя новейшие достижения и блага современной цивилизации. Адаптивные возможности народов, даже совсем недавно пребывавших на ранних стадиях исторической эволюции, поистине удивительны. Об этом свидетельствуют примеры быстро шагнувших в век электроники бывших кочевников-бедуинов в арабских эмиратах, переселившихся в современные жилища и вооруженных средствами компьютерной связи жителей даже самых отдаленных эскимосских общин американского Севера и многих других народов Земли во второй половине XX века.

Можно и нужно гордиться глубиной исторических корней своего народа, но следует помнить и о том, что подавляющему большинству современных американцев не пришлось и одного дня прожить без канализации и центрального водоснабжения, а тем более, топить печи и носить воду из колодца, как это приходится делать до сих пор жителям российских деревень и многих малых и средних городов. Авторитет народа, хорошее социальное самочувствие его представителей и патриотизм в нынешнем мире питаются не только факторами численности, размерами территории, глубиной корней, но прежде всего — его современными достижениями и способностью обеспечить достойное существование. Патриотизм и четко выраженное самосознание японцев, их авторитет во всем мире основаны не только на уважении и сохранении традиционной культуры, но и на всемирном признании огромных достижений этого народа в сфере технологии, бизнеса, науки.

Восстанавливая свои храмы, укрепляя национальные языки, но не овладев премудростями информатики и робототехники, вернувшись к земле, но не расставшись с косой, укрепив устои семьи как хозяйственно-производственной единицы, но не обеспечив поголовного обследования ультразвуком женщин-роженниц, низкого уровня детской смертности и повсеместно доступного богатого пищевого рациона, смогут ли большие и малые народы нашей страны сохранить чувство гордости и свою культуру, обеспечить себе надежное будущее? «Гордые духом и нищие телом», сможем ли мы как союз народов чувствовать себя достаточно уверенно в сообществе людей XXI века?

4. Каким должно быть многонациональное государство? В какой мере государственное устройство СССР, правовая практика, политические установки и идеологические воззрения по вопросам государственности соответствуют современным реалиям советского общества и потребностям нашего дальнейшего развития? Как известно, Л. И. Брежнев в докладе о проекте Конституции на Майском (1977 года) пленуме ЦК КПСС заявил: «Опыт показал, что основные черты федеративного устройства СССР полностью оправдали себя. Поэтому нет нужды вносить какие-либо принципиальные изменения в формы советской социалистической федерации»⁴. В итоге новая Конституция СССР фактически сохранила структуры Конституции 1936 г., а незначительные из-

менения носят противоречивый характер и к «совершенствованию» межнациональных отношений мало что добавили.

Прежде всего, сохраняется ограниченное понятие социалистического федерализма: «Союз ССР учрежден в результате свободного самоопределения наций на основе принципа социалистического федерализма, то есть на национально-территориальных началах, началах добровольности объединения и равноправия субъектов федерации»⁵. За социалистический принцип советской федерации выдается тот факт, что «в состав СССР входят не географические районы или административные единицы, а национальные государства»⁶. Соответственно и было изменено название раздела конституции: вместо «Государственное устройство» (1936 г.) теперь «Национально-государственное устройство», что, строго говоря, означает отсутствие у союзного государства-федерации административного деления (им обладают союзные республики, имеющие соответствующие разделы в своих конституциях), ибо субъектами федерации выступают 15 «национальных государств».

Не говоря о том, что само это понятие применительно к союзным республикам является неточным, так как последние многонациональны по составу, как и союзное государство, в данном виде принцип социалистического федерализма плохо соотносится как с духом марксистско-ленинского учения о государстве, так и с мировой практикой федерализма, да и с нашим собственным прошлым опытом. Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» подчеркивал, что государство отличается от старой родовой организации «разделением подданных государства по территориальным делениям»⁷. Эту характеристику до сих пор сохраняют практически все государства мира, особенно крупные, в том числе образованные на принципе федерации. И нет никаких оснований считать территориально-географическое деление федеративного государства принципом буржуазных федераций, противопоставляя его национально-государственному делению как принципу социалистического федерализма.

Среди многих десятков ныне существующих федеративных государств, пожалуй, только СССР и СФРЮ имеют субъектами федерации «национальные государства», в остальных же случаях таковыми являются административно-территориальные единицы (провинции, штаты, кантоны и пр.), которые, конечно же, во многих случаях образованы с учетом национального состава населения. Так обстоит дело и с маленькой Швейцарией, и с огромной Индией, расовый, этнический и религиозный состав населения которой не менее разнообразен, чем в СССР. Все же главными факторами, влияющими на административно-территориальное деление государств, являются пространственно-хозяйственные связи. Да и сами государства, в том числе федеративные объединения возникают и существуют для наиболее успешной организации производственной деятельности человеческого общества — главного условия материального бытия человека. Не случайно при формулировании целей образования Союза ССР в Декларации об образовании СССР они были определены как — «обеспечение внешней безопасности» (вполне понятный приоритет первого социалистического государства в условиях враждебного окружения), «внутреннее хозяйственное преуспеяние», «свобода национального развития» и т. д. В Конституции СССР 1936 г. по этому вопросу ничего не говорилось. В Конституции 1977 г. в статье 70 говорится в общей форме, что СССР «сплочивает все нации и народности в целях совместного строительства коммунизма».

Так как же быть с «хозяйственным преуспеянием»? — вопрос, в нынешних условиях равнозначный вопросу об «успешном строительстве коммунистического общества». Нужно ответить определенно: если мы ставим цель создания подлинно современного сообщества, способного обеспечить наилучшие условия социального существования его членов на основе самых передовых форм труда и демократического устройства, то такое сообщество и его государственная форма несовместимы с абсолютизацией статуса части состав-

ляющих его единиц. По крайней мере, современный мир не знает случая, чтобы какое-то из крупных многонациональных государств добились разительных успехов в своем развитии при том, что его народы «разбежались по своим этническим квартирам». Эффективные хозяйственные связи и промышленные комплексы должны строиться с учетом климата, ресурсов, рынка, социально-экономических факторов, а не с учетом престижных ориентаций на создание «национального рабочего класса» и однотипной социальной структуры «советских наций». Эта схожесть должна в конечном итоге быть достигнута не намеренным созданием своих диверсифицированных экономик в пределах национально-государственных образований, а высокой мобильностью представителей всех национальностей. Без этой мобильности населения, готовности любого работника-специалиста, независимо от этнического происхождения, сменить место жительства в интересах лучшего применения своих профессиональных возможностей высокоэффективного хозяйства нам не создать. А уж тем более невозможно совместить организацию современного высокоэффективного производства с хозяйственной автаркией «национальных государств». Последняя, вполне возможно, в ряде районов (республик) сможет вытащить экономику из кризисного состояния, но впоследствии станет тормозящим фактором развития.

Выбор в качестве субъектов федерации «национальных государств» ослабляет по ряду причин суверенитет общесоюзного государства. Трудно согласиться, что добавление в текст новой Конституции в определение нашего государства слова «единое» (статья 70) «отражает прежде всего процесс укрепления союзных начал в нашем государстве, прогрессирующее сближение наций и народностей СССР»⁸. На конституционном уровне общесоюзный суверенитет выражен в СССР гораздо слабее, чем в других странах, прежде всего, по той причине, что не очень ясно, чей суверенитет выражает наше государство. Мы лишены столь мощного консолидирующего начала, как общенациональная идея, которая, родившись в эпоху буржуазных революций конца XVIII в., продолжает и сегодня служить делу государственного суверенитета. Трудно найти государство, где бы не считалось, что объектом его суверенитета является «нация». И хотя хорошо известно, что, скажем, в Испании проживает как минимум четыре крупных народа, а в Индии их десятки, но все же существуют и такие понятия, как «испанская нация», «индийская нация», целостность которой выражена государством. Как известно, «советской нации» не существует, а СССР — это государство, выражающее суверенитет советского народа, с пониманием целостности которого, как отмечалось выше, у нас не все обстоит благополучно.

Единство нашего Союза за время его существования основывалось скорее не на конституционно-правовых принципах, а на других началах, даже парадоксально — противоположных. С одной стороны, это — вера людей в социалистический идеал, сила и монолитность политической системы прежде всего в лице правящей партии. С другой стороны, на ограничениях демократии и волеизъявления в условиях командно-административной системы, доходящих до откровенно тоталитарных форм власти на протяжении довольно длительного исторического периода. В условиях процесса демократизации общественной жизни всего нашего государства, возрастающего плюрализма и элементов саморазвития, укрепление конституционно-правовых основ общесоюзного суверенитета становится задачей исключительно актуальной.

Как же в этих условиях должно обстоять дело с реализацией одной из целей нашего союза — обеспечением «свободы национального развития»? Здесь, на наш взгляд, необходимы существенные изменения наших взглядов и политико-государственной практики. Наиболее остро стоит вопрос о концепции «национальных государств» и «национально-территориальных образований». Как уже отмечалось, подавляющее большинство человечества живет сегодня в многонациональных государствах. Огромные трудности оказались и на пути бес-

печения национальной государственности внутри многонациональных образований. Еще до революции С. Г. Шаумян писал: «Нации настолько смешались друг с другом, что уже нет национальных территорий, в пределах которых можно было бы с легкостью учредить национальные федеративные или автономные органы»⁹. Фактически с самого начала советские республики складывались как многонациональные образования. Процесс межэтнического смешения происходил за годы советской власти и будет происходить в будущем.

Все же наша реальная практика свелась к абсолютизации прав республик, имея в виду права «коренных наций». Но, во-первых, сама по себе государственность оказалась недостаточной для обеспечения этих прав в условиях социально-экономических деформаций и нарушений общедемократических норм и принципов. Эти права зачастую сводились к приобретению престижных атрибутов власти и форм проявления национальной культуры. Во-вторых, вне субъектов этих национальных прав оказались многие десятки народов, не имеющих никакой государственности. В-третьих, такое понимание национальных прав и их конституционно-государственное обеспечение не распространялось на 55 миллионов советских граждан, живущих за пределами своих собственных национальных образований.

Генеральной линией в обеспечении национального развития составляющих союз этнических единиц должно быть обеспечение прав народов на общегосударственном уровне, соответственно закрепленное в Конституции СССР. Но еще более важным представляется обеспечение этих прав через развитие и углубление индивидуальных прав и свобод советских граждан. Только путем реализации этих прав возможно создать в стране ситуацию, когда каждый гражданин, независимо от своего этнического происхождения, чувствовал бы себя как дома в любом уголке Советского Союза. Именно так была сформулирована Политбюро ЦК КПСС одна из задач перестройки в сфере межнациональных отношений.

Укрепление общесоюзных начал и общегражданских прав должны в конечном итоге перевести вопрос об определении национальности граждан нашего государства из сферы политической и законодательной деятельности в сферу науки и статистики. Высокий материальный уровень жизни и гармоничные социальные отношения, подлинная демократия составят надежный и долговременный фундамент сохранения и развития культурного многообразия народов нашей страны.

5. О первоочередных реформах. Многие из сказанного выше может показаться слишком поспешным, забеганием вперед в политике межнациональных отношений. Логика здесь простая: «На улицах Еревана танки, а Вы — о референдумах». Согласен — многое из вышеизложенного относится скорее к программе-максимум и связано с долговременными тенденциями общественного развития, с конечными целями перестройки. Мы же в настоящий момент в сфере межнациональных отношений пока разгребает завалы прошлого, выявляем позиции, с удивлением обнаруживаем очередные «горячие точки», глубоко переживаем кризисные и даже трагические ситуации, довольно неуклюже (как бы не вышло чего похуже!) пытаемся их разрешить.

Этот этап оплаты срочных долгов необходим, и у него также должна быть своя программа-минимум, суть которой в удовлетворении, поддержке, развитии многообразных интересов составляющей союз этнической мозаики: слишком долго этот процесс сдерживался и «канализировался» по верхушечным структурам административной системы. Это необходимо для более прочного и осознанного единения народов и укрепления государства-федерации.

К числу самых неотложных реформ программы-минимум я бы отнес конституционное оформление некоторых общих принципов межнациональных отношений и принятие в их рамках Декларации о правах народов СССР, которая обеспечивала бы в интересах национального развития гражданам различной национальности специфические одинаковые права. Некоторые из

них нами были сформулированы. Они могут быть более детальны и дробны, но, во всяком случае, должны быть широко обсуждены и впитать в себя международно-правовой опыт и позитивный опыт зарубежных стран.

В комплексе срочных мер нужны некоторые решительные шаги по упрочению общесоюзного суверенитета и общегражданских прав, имеющих самое прямое отношение к внутренней жизни многонационального государства. Это, прежде всего, конституционное закрепление языка, которым владеет большинство населения (русского), в качестве официального, общегосударственного. Никакое государство не может существовать без единого языка, на котором действовала бы система государственных учреждений, а граждане осуществляли свои права на всей территории. Должна быть такая ситуация, при которой существовал бы язык, на котором любой гражданин в любом месте страны мог обратиться к продавцу в магазине или аптеке, в билетную кассу или к оператору междугородней телефонной станции, зная, что по закону имеет право получить ответ на этом языке. Только нашей низкой потребностью в гражданско-правовой защищенности можно объяснить растерянность гостя в той или иной республике за пределами РСФСР, получившего надменное молчание в ответ на вопрос, заданный на русском языке тому или иному работнику государственного учреждения.

Официальный общегосударственный язык должен дополниться законами об официальном двуязычии (или многоязычии) в национально-государственных образованиях, позволяющими народам обеспечить аналогичное право на территории своего преимущественного проживания. Но официальное одноязычие (только национальный язык) создаст немыслимую ситуацию для нормальной государственной жизни и обеспечения равноправия граждан независимо от национальной принадлежности на всей территории СССР. Ссылка на то, что русский язык добровольно избран языком межнационального общения не является достаточной гарантией по одной простой причине — «добрая воля» не может быть основой обеспечения права, ибо подвержена, особенно на индивидуальном уровне, самым элементарным переменам и даже капризам.

Как же все обходилось с русским языком до сих пор? Уверен, что не только добрая воля, но и жесткая система централизации власти, репрессивные меры и прочие силовые подходы обеспечивали существование единого общегосударственного языка. На смену последним факторам должна придти конституционная гарантия, которая вместе с доброй волей (необходимость которой никто не отрицает) составит основу нашей языковой жизни.

Глубоко демократической (и давно назревшей) мерой было бы упразднение паспортной системы в СССР, вместе с которой исчезла бы и сохраняющаяся со сталинских времен практика государственной фиксации этнического происхождения граждан. Все, в том числе многонациональные государства, обходятся без этой практики. Если в СССР Конституцией гарантированы одинаковые права граждан, независимо от национальности, то зачем и для чего гражданин должен «докладывать» свою национальность бесчисленным чиновникам, от директора до библиотекаря? Зато случаев, когда эта запись в документе служила поводом для нарушений прав личности или для получения незаслуженных привилегий, можно привести более чем достаточно.

Мы назвали лишь некоторые из назревших реформ по программе-минимум. Что же касается преобразований с расчетом на дальние перспективы, то было бы самым разумным подождать результатов перестройки нашей хозяйственной жизни, демократизации политических структур, возрастающей зрелости общественного сознания людей, которые не могут не дать улучшения материальных условий жизни и социального самочувствия советских людей. И тогда новый мир межнациональных отношений утвердится через более спокойные и гармоничные формы, чем это приходится делать сейчас в начале пути.

Примечания.

¹ *Nietschmann B.* The Third World War // *Cultural Survival Quarterly.* 1987. № 3.

² См. **Соб.** этнография. 1986. № 3, 4, 5.

³ *Ontario Indian.* 1980. Nov. Vol. 3. № II P. 27.

⁴ *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Т. 6. М., 1978. С. 382.

⁵ Конституция СССР. Политико-правовой комментарий. М., 1982. С. 207.

⁶ Там же. С. 208.

⁷ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 170.

⁸ Конституция СССР. Политико-правовой комментарий. С. 209.

⁹ *Шаумян С. Г.* О национально-культурной автономии. М., 1959. С. 10.

**РЕДАКЦИОННЫЙ КОММЕНТАРИЙ К РУБРИКЕ
«НАВСТРЕЧУ ПЛЕНУМУ ЦК КПСС ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР»**

Представленные в этом номере журнала материалы отражают некоторые важные тенденции в развитии современной отечественной науки, изучающей национальные процессы и национальные отношения в СССР. Прежде всего обращает на себя внимание то, что наука выходит из состояния коллапса и идейного бесплодия, когда одни ее сегменты пребывали в благодатной дремоте, отгородившись от действительности ширмой придуманных мифов о гармонии в области национальных отношений, а другие, не всегда, правда, успешно, все же пытались оправдывать свое предназначение в рамках дозволенного.

Наблюдается явное нарушение баланса в старой идейно-теоретической системе, которую по традиции все еще называют «советской», «марксистско-ленинской» теорией нации (хотя на деле она не является ни теорией в полном смысле этого слова, ни марксистско-ленинской). Это выражается в признании наличия в обществе серьезных национальных проблем (даже теми, кто раньше утверждал совершенно противоположное), в переориентации науки с идеологии на исследовательские задачи, в разрушении монополии философии псевдонаучного толка при интерпретации национального вопроса. Осознание комплексности факторов, влияющих на национальные отношения, вызвало необходимость привлечения к изучению национальных проблем экономистов, юристов, социологов, представителей других дисциплин. Предметная область исследований расширилась за счет тех сфер общественной и государственной жизни, которые раньше были табуированы для научного анализа: права и интересы народов, законодательство по национальному вопросу, взаимоотношения республик и их отношения с союзным государством, механизмы разработки и принятия политических решений и др.

Важно отметить, что все эти изменения обусловлены не только характером ведомственного заказа («госзаказа», сформулированного в известных партийных документах), но и явно существующим социальным заказом, предъявленным ученым самим обществом, жизнью. Как ответ на этот социальный заказ можно рассматривать создание Секции национально-политических проблем в Советской Социологической ассоциации (организации общественной, а не государственной), активизировавшееся использование специалистами средств массовой информации для пропагандирования новых идей. Растет понимание того, что сами специалисты (администраторы, идеологические работники, ученые) не имеют исключительного права решать судьбы народа и народов без их непосредственного участия.

Переход от неподвижности к динамизму, который испытывает научная и общественно-политическая мысль, свершается беспрецедентными темпами. Самые радикальные идеи, высказывавшиеся год-два назад, сегодня нередко кажутся безнадежно устаревшими, робкими, наивными. Бурные события общественной жизни, национального развития «вводят в научный оборот» все новые проблемы, побуждают ученых искать на них ответы, отказываться от традиционных взглядов. Темп поддерживается подготовкой к Пленуму ЦК КПСС по совершенствованию межнациональных отношений в СССР. Перед наукой встала задача — в считанные месяцы провести генеральную ревизию ее концептуального хозяйства, хотя бы в общих чертах сформулировать обновленную концепцию национального строительства. Не удивительно, что в столь жестких условиях в науке обнаружились признаки некоторой неразберихи. Не случайно и то, что уже раздаются сдержанные призывы притормозить, оглянуться, реабилитировать отвергнутое.

Интеллектуальные усилия, направленные на осмысление национального вопроса, по существу вылились в широкую научную дискуссию. Возникла она отчасти спонтанно, протекает вне фиксированных организационных рамок и зачастую в форме заочной, несколько завуалированной полемики между различными научными учреждениями и группами ученых.

В деятельности всех этих организаций принимают активное участие сотрудники Института этнографии АН СССР (давние и постоянные авторы нашего журнала). Возможно, эта форма

полемики, когда публичная критика взглядов оппонентов чаще всего носит безадресный характер, вызвана к жизни нашим подсознательным нежеланием, опасением внести в дискуссию по столь серьезному, общественно значимому вопросу элементы политического критиканства. А возможно, в условиях только еще складывающихся демократических норм научного дискутирования, мы просто боимся нанести личное оскорбление оппоненту, подвергнув содержательной критике его взгляды. Но и то и другое — издержки прошлого, и свидетельствуют они не о повышенной щепетильности в научной этике, а о ее незрелости.

Пожалуй, острота дискуссии усиливается по мере углубления анализа национальных проблем, появляются некоторые принципиальные, фундаментальные вопросы построения и развития советского общества. Приходится задуматься, что такое интернационализм и как он соотносится с национальными интересами, как, в свою очередь, национальные интересы соотносятся с объективными потребностями национального развития всех народов СССР. Приходится задуматься, от какого наследия в теории и практике национальных отношений мы отказываемся и что из этого наследия следует сохранять и развивать.

Разногласия между учеными в этих и других вопросах имеют отнюдь не только «редакционный» характер. Для всех очевидна необходимость улучшения ситуации в области национальных отношений, однако это — едва ли не единственное, что объединяет существующие точки зрения. Предлагаемые пути решения задачи свидетельствуют о том, что в научной среде формируются (в основных своих чертах уже сформировались) весьма отличающиеся друг от друга идейно-теоретические течения.

Одно из них, генетически связанное со старой официальной теорией наций, тяготеет к преемственности в идеологии и политике как основе дальнейшего развития советского многонационального общества. Базовыми для этого направления являются, насколько можно судить, следующие положения. Национальная политика государства во все времена была в основном правильной, ленинской по сути. Отсюда — неоспоримые успехи в решении национального вопроса. Имеющиеся проблемы — это скорее побочные продукты развития, следствия недоучета национального фактора в жизни общества и ошибок в практической политике. В области теории отстаивается неизбывное того комплекса идей, который принято считать ленинским учением о нациях. Стратегия развития видится в обеспечении неуклонного приоритета интернационализма, в подчинении ему национальных интересов (интересов отдельных народов). В политическом плане это означает сохранение и даже укрепление «нейтралистского федерализма» как формы государственного устройства СССР. Иными словами, выдвигается задача не столько реформирования существующей системы национальных отношений, сколько повышения эффективности ее функционирования.

Другое течение, еще довольно аморфное, включает несколько концептуальных вариантов. Эта неоднородность вполне объяснима. Если первое течение опирается на складывавшуюся десятилетиями идейную базу, то второе, по своему характеру критическое, альтернативное, ориентируется прежде всего на борьбу со стереотипами прежней теории наций, что, конечно, осложняет созидательную мыслительную деятельность. Тем не менее, второе течение обнаруживает гораздо большую продуктивность в выработке программ регулирования национальных отношений.

В критическом направлении можно, в свою очередь, выделить некоторые «фракции», различающиеся, впрочем, не столько по своим идейно-теоретическим воззрениям (хотя имеются и таковые), сколько по характеру предлагаемых реформ. Споры ведутся о степени, пределах децентрализации государственного устройства, о том, какие сферы общественной жизни она должна затрагивать, как лучше обеспечить реализацию принципов федерализма, равноправия народов. Несколько особняком стоит точка зрения крайних радикалов, которые абсолютному централизму готовы предпочесть превращение единого государства в конфедерацию независимых государств.

В целом для второго течения характерны определенный релятивизм в осмыслении результатов национального строительства за годы Советской власти, в применении теоретического наследия классиков марксизма-ленинизма для решения современных национальных проблем, некоторый «прагматизм» в формулировании стратегии национального строительства. Его задачи связываются не с достижением абстрактных идеалов, а с учетом реальных тенденций общественного развития, характера этнических процессов, с удовлетворением в первую очередь национальных прав всех без исключения народов СССР. По существу именно это течение стремится выработать новую концепцию национального вопроса эпохи социализма, которая основывалась бы на марксизме-ленинизме, очищенном от его произвольных интерпретаций и налетов догматизма.

Различия между двумя выделенными направлениями отражают, по-видимому, нечто большее, нежели размежевание в среде специалистов по национальному вопросу. Они означают перенос в эту область науки идейной борьбы, развернувшейся в обществоведении в связи с осмыслением исторического прошлого нашего государства, анализом социальной природы советского общества, определением путей его развития на современном этапе. Это и естественно. Общий кризис ряда структур советского общества больно ударил и по сфере национальных отношений. Перестройка всей системы регулирования национальных процессов и национальных отношений, необходимость которой объективно назрела, не может происходить в обстановке единодушия и единогласия. Отсюда — необходимость дальнейшего выявления складывающихся среди исследователей точек зрения и их обсуждения, с тем, чтобы на базе объективного и представительного фактического материала иметь возможность рекомендовать разумные, реалистические подходы к решению назревших проблем.